

**Иосиф Бродский под защитой Надежды Мандельштам от нападок
Александра Гладкова (в дневнике последнего, 1963-65 гг.)**

Александр Константинович Гладков (АКГ) в 60-е годы – человек, отсидевший почти 6 лет в Гулаге, автор наиболее известной пьесы "Давным-давно" и только что поставленного по ней Э.Рязановым фильма "Гусарская баллада". Но вместе с тем он же – и мемуарист, и литературный критик, известный, правда, только в узких кругах московских и ленинградских знакомых прежде всего своими очерками о Мейерхольде и Пастернаке, а также – совсем еще никому не известный автор дневника, в котором он записывает:

8 нояб. 1963. (...) думаю о том, что мне снова нужна большая работа. Книга. Или – пьеса. Нет, лучше – книга. Без этого жизнь пуста и слишком легка. # Жить не работая уже невозможно, если не пьешь и не бегаешь за встречными юбками.

О поэзии Иосифа Бродского Гладков услышит в конце 1963 г. – от Надежды Яковлевны Мандельштам, но поначалу будет воспринимать его как поэта весьма скептически. Надо сказать, что АКГ сам всю жизнь пишет стихи, но не пытается публиковать их (за исключением пьес в стихах, которые написаны им в легком жанре водевиля), а – только лишь дарит некоторым друзьям в машинописном виде, и к чужим стихотворным опытам, особенно *новомодным*, относится весьма взыскательно:

23 сент. 1963. Н.Я. [Мандельштам] показала нам стихи какого-то нового ленинградского кумира *Иосифа* [имя вписано от руки, поверх исправленного – нрзб] Бродского. Одно короткое о Васильевском острове – ничего, мило, но длинная ода Джону Донну – манерна, скучна, вяла – типичные старопетродградские стишки. Он не печатается, кумир ленингр[адских] психопаток, еврей с рыжей бородой. От него в восторге Ахматова, а Лидия Яковлевна [Гинзбург] протезирует А. Кушнеру.

При этом всегдашний закоренелый скептик Гладков как раз в данном вопросе склонен почему-то доверять самой махровой советской пропаганде (он вообще каждое утро проглатывает по несколько газет и пытается – иногда не без успеха, но не в данном случае, читать в них между строк):

3 дек. 1963 Про И.Бродского в «Веч. Ленинграде» написали страшно: не только про его стишки, которые мне лично не нравятся, – тут и связи с уголовниками и спекулянтами, и встречи с иностранцами, и подготовка побега за границу. В иные времена за это давали полный набор: 25 и 5 и 5. А сейчас статья оканчивается требованием выслать его из Ленинграда. Я его никогда не видел, а описан он красочно. #

А через несколько месяцев он фиксирует для себя еще и следующее:

9 марта 1964. Над поэтом Бродским (из-за которого у меня возникла такая бурная полемика в письмах с Над. Як.,¹ был суд, но он кончился ничем: поэта увезли в психиатрическую больницу. Хотели доказать, что он «тунеядец».²

15 марта 1964. Суд над Бродским состоялся: приговор – 5 лет высылки с принуждением к труду. (...) В основе всего – высокомерный разговор с пресловутой секретаршей райкома К-вой [Н.С.Косаревой] (...), которая вызвав Бр[одского], спросила его, почему он не хочет учиться, и он ответил, что он не желает заниматься «лже-наукой-диаматом». С этого и начало крутиться. Кто-то из бывших на процессе назвал это «обезьяньим процессом». Думаю, что объективно виновата и среда, восхищавшаяся Бр[одским] и передававшая с восторгом эти его и подобные словечки. Шутить с государством нельзя, а эти небитые дурачки про это забыли. Другое дело, что Бр[одскому] может помочь это всё стать настоящим поэтом, если у него есть что-то подлинное, как всегда этому помогает живая, а не придуманная среда. # (...) # Вот вырезка из сегодняшней «Смены». # [вклеена статья из газеты (без подписи) «Тунеядцу воздается должное»]: # О самом Иосифе Бродском говорить уже противно. (...) # (...) проповедник пошлости и безыдейности (...) болезненное самолюбие недоучки (...) ##

Но тут за Бродского как поэта – вступается Надежда Мандельштам. Она ведет борьбу, по-видимому, в течение всего 1964 года (письма АКГ к ней за это время не сохранились). Но вот свидетельство из его дневника, запись, сделанная им за две недели до только что цитированной:

28 фев. 1964. <...> Письмо от Над. Як-ны и мой ответ³. Спор продолжается.⁴ Консерватизм бывает разный – у нее консерватизм оппозиции. Что-то в этом меня очень раздражает: наверно – привычка из всякого пустяка делать обобщение. «А в дверях уже стучало обобщение» (О.Мандельштам)⁵. По-человечески ее можно понять: привыкнув всю жизнь быть гонимой, нелегко изменить психологию, но именно от нее мне хотелось большей свободы и живости ума.

А вот выдержки из ее письма, на которое он, по-видимому, так болезненно реагирует:

¹ [Возможно, именно в 1964 г. А.Г. высказывался в письмах к Н.Я. о поэзии и поэте Бродском наиболее критически, однако позже, очевидно под действием ее аргументов, а возможно после личной встречи с поэтом, он изменит свое к нему отношение.]

² [Это записывает А.Г. по поводу только что полученного им 8 марта письма от Н.Я., в котором она снова возвращается к предмету их спора. См. ниже ее эмоциональное письмо (л.22) – на конверте от руки: «№4», в Ленинград со штемпелем из Пскова (лл. 23, 23-об, 24, 24-об):]

³ [Писем АКГ к Н.Я. за 1964 год в фонде Гладкова в РГАЛИ не значится: «первое» его письмо датировано только 3 марта 1965 (РГАЛИ. О.Э.Мандельштам. Ф.1883, Оп. 3, № 185). По словам Ю.Л.Фрейдина, Н.Я.Мандельштам часто просто раздавала или же раздаривала свои письма. Ср. Н.Я. Мандельштам. Письма А.К. Гладкову. 7.12.1962-28.10.1967 (РГАЛИ. Ф. 2590 (Гладков А.К.). Оп. 1. Д. 298. Л.1-147).]

⁴ [Здесь это очевидно еще не спор о – поэзии И.Бродского.]

⁵ [На самом деле у Мандельштама в «Путешествии в Армению»: *В дверях уже стучает обобщение.* (главка «Француз»)].

[25 фев. 1964, л. 21: в приписке поперек основного текста, на полях слева:] А если человек ругает Марину [Цветаеву] или О.М[андельштама], вы действительно хотите его выслать? Я – нет. И вы действительно думаете, что во мне говорит еврейский национализм, а не русская интеллигентская традиция? # [И на поле справа:] А насчет антисептики? Мы уж ее испробовали. Неужели хочется еще? #

Можно утверждать определенно, что именно под влиянием собеседницы Гладков постепенно уступит и изменит свою – вначале, как видим, непримиримо-неприятную по отношению к И.Бродскому позицию. Из ее писем к нему, наиболее характерны следующие два, (второе из них она напишет, очевидно, считая, что первое, которое она во втором назовет *бешеным*, АКГ так и не получил):

[8 марта 1964 – на конверте от руки: «№4», со штемпелями: из Пскова – в Ленинград (лл. 22, 23, 23-об, 24, 24-об):]

Дорогой Александр Константинович! Я всё продолжаю бороться за вашу душу, а вы хотите убежать к обобщению, хотя еще не рассмотрели факты. Я предлагаю вам вспомнить факты.

В «В[вечернем] Л[енинграде]» в статье на двух столбцах было напечатано, что некто пишет декадентские стишки, а третий посвящался общей хуле и рассказу о вещах, которые он не сделал, а думал сделать.⁶ Техника подобных обвинений известна. Как вы писали, что раньше этого хватило бы «на всю катушку», и действительно все это, особенно третий столбец, сильно напоминало прошлое. Дальше, вы узнали нечто о молодом человеке, что заставило вас с симпатией солидаризироваться с авторами статьи. Возможные меры по отношению к этому юноше вы назвали «профилактикой».

Профилактикой у нас занимались много, и она стоила нам очень дорого. Я вас предупреждала, что всякая травля сопровождается клеветой. Я изучила механизм травли и знаю это точно. Мне неизвестно, что за «неаппетитные вещи» вы узнали об этом человеке и почему вы называете его альфонсом. Но вот вам небольшая деталь: в Москве появились фотографии непристойных эротических сцен. Утверждалось, что снят этот самый человек. От фотографий пришлось отказаться – снят был не он и к фотогр[афиям] не имел никакого отношения. По моим сведениям на суде они не фигурировали. И вообще ни о какой безнравственности или альфонсизме на суде речи не было. В газете тоже говорилось не об альфонсизме, а об отце.⁷ Между тем на ~~них~~^{фотогр. в Москве} делалась большая ставка – ими подкреплялась статья...

Теперь по существу статьи: декадентские стишки... Является ли писание стихов работой? Если судят задним числом, то все очень просто – Марина и Осип работали... А какой-нибудь неудачник – нет. Но вспомните «Четвертую Прозу». Там как раз об этом говорится...

Если б этот молодой человек был членом Союза, писание стихов считалось бы работой. Но прежде, чем человека принимают в Союз, проходят многие годы. И так, до вступления с Союз человек должен работать слесарем. Вы все время пишете: я работал, я зарабатывал, я делал то-то, я просил знакомых не хлопотать обо мне и т.д... При чем здесь вы и ваши нормы поведения? Вы хотите объявить себя образцом, которому должны

⁶ [Имя Бродского в этом письме не названо, но из дальнейшего становится понятно, что имеется в виду именно он.]

⁷ [«В крайнем случае подкинет толику денег отец – внештатный фотокорреспондент ленинградских газет, который хоть и осуждает поведение сына, но продолжает кормить его» («Окололитературный трутень» // за подписью А.Ионина, Я.Лернера, М.Медведева) – 29 ноября 1963 г. в газете «Вечерний Ленинград» – <http://kozhekin.livejournal.com/634060.html>].]

следовать все? Я знала массу людей, которые могли только писать стихи или заниматься живописью. Из одних что-то вышло, из других не вышло. Надо было их ссылать на север из-за этого? <...>

На суде речь шла о тунеядстве, хотя защитник (переводы считаются работой, а стихи нет) продемонстрировал договора на переводы. Влияние статьи на суд несомненно – договора во внимание не приняты. Судью винить нельзя – откуда он может знать, как начинается писатель или художник? Легче с музыкантами – они не могут не кончить школу, как и архитекторы... а в первых двух областях почти все появляются без школы или (художники) поссорившись со школой. Вы-то это могли бы знать. Зачем же вы поддерживали (хотя бы душевно) тех, кто натравил милицию на молодого поэта? Потому что вам не нравятся его стихи? Слишком много на себя берете... Или на основании непроверенных слухов об альфонсизме и прочем? А я признаю, что только конкретные и точные нарушения законов подлежат суду. Надеюсь, что вы тоже, и снимаете свои разговоры о профилактике. Кроме того я считаю, что нужно осторожно обращаться со слухами против людей, на которых обращаются подобного рода фельетоны. За такими выступлениями всегда что-то стоит весьма организованное. Кстати говоря, для интеллигента нормальнее быть на стороне травимого, а не травли, на стороне страдающего... Даже если речь идет о преступлении, гуманистическая мысль больше столетия боролась о смягчении наказаний. Вспомните хотя бы борьбу со смертной казнью и смягчение кодексов всех стран. А тут профилактика...

А теперь об аналогиях и обобщениях, потому что эмпирики вы получили достаточно. Что значит Ваша фраза: «Уверяю вас, что Б. терпит не за стихи, а за что-то другое»? Где и когда его обвиняли в «чем-то другом»? в фельетоне? На суде? Только ваши аналогии (с П.Васильевым⁸ и еще неизвестным мне Лавровым⁹) привели к такому заключению. Кстати, Пашку Васильева я знала хорошо. Какие он совершал преступления, за которые его надо было судить? Сукин сын был, особенно с бабами. Но суд есть суд. Закон есть закон. Кого он убил?

Я вовсе не думаю, что поэтов нельзя судить, если они совершают преступление. А вы думаете, что поэтов надо судить профилактически. И по возможности не упоминать при этом стихов.

А теперь о моих аналогиях. Психика: «Кто он такой, чтобы жить не как мы», «дрянные стихи, а нос задирает», «мы его судим не за стихи, а за то, что он способен на всё», «не сравнивайте его с теми, кто стоит у нас на полке, – те классики, а он мне ни на чорта не нужен» – это классика и от нее не ушел никто. В судьбе О.М. вы не разобрались. Все разыгрывалось постепенно. Все началось внутри литературы. Именно она поднесла его на блюдечке и попросила уничтожить, как чуждое тело. Просила довольно долго, и эпоха была подходящая. Социальная психология вещь устойчивая, но в разные эпохи она проявляется по-разному. А Виллон здесь не при чем, как вам известно. Что меня поражает, это то, что вы вдруг забыли логику, точность, привычку взвешивать факты и данные, что под влиянием каких-то «неаппетитных» рассказов вы вдруг набросились на неизвестного вам человека? Интересно, что вы все истолковали как новые данные против него, даже то, что за него заступились. Как это могло случиться? Почему у вас появилась личная нотка: «я так не поступал»? нет ли, действительно, каких-то личных моментов?

Н.М.

[приписки там же, на полях страниц, идущие поперек основного текста – л.23:]

Мне очень интересно знать, от кого вы узнали, «неаппетитные факты». Вероятно, это лицо чем-то заинтересованное.

⁸ [Павел Николаевич Васильев (1909-1937: расстрелян), поэт.]

⁹ [Леонид Алексеевич Лавров (1906-1943), поэт, переводчик.]

[И на л. 23-об:] Кстати, я этого мальчишку знаю, и хорошего о нем мнения. Трагично, что он уехал в Ленинград, хотя знал, что его там ждет. Я уговаривала его не уезжать. Он это сделал вполне сознательно.¹⁰

И второе письмо Н.Я. (в архиве оно почему-то ошибочно отнесено к более поздним): л.69, 69-об, без даты и без номера, но с самостоятельным обращением и фактически повтором того, что уже было в первом: скорее всего, следует датировать его, как написанное ранее 13 марта 1964. (Н.Я. по-видимому считала, что предыдущее ее письмо потерялось):

Дорогой Александр Константинович!

Я сержусь за вашу позицию с Бродским. Каким образом мое бешеное письмо не дошло, не знаю. Больше ни на что я сердиться не могу. А здесь картина ясная. Вот моя аргументация:

всякая травля и всякое убийство сопровождаются клеветой. Примеры я вам приводила: как говорили о Николае Стапановиче [Гумилеве] (стихи – плохи, сам – противный... а вот что мы знаем про него)... Я уж не говорю про О.М., где грязные инсинуации шли годами. Поэтому ваши «достоверные» и «объективные» люди с неаппетитными рассказами делают классическое дело толпы при убийстве.

Второе – когда поэта травят, то оплевывают его стихи [–] от Пушкина до наших дней. Стихи могут не нравиться. Но это не оправдание травли, поэтому нечего об этом говорить. Уверяю вас, что те, которые уничтожали О.М., искренне не любили его стихов. Эта нелюбовь помогает уничтожать. На всякий случай следует молчать о своем отношении к стихам. Поэт может быть настоящий, а его стихов мы не любим. Но поэт всегда возбуждает ненависть. Нужна была неслыханная работа Б.Л., чтобы так долго держаться... но под конец прорвалось. Маленькие поэты или большие – разницы нет...

Кстати, я его знаю.¹¹ Он очень похож на поэта и по-моему чистый человек... а если хотеть поносить – то [3 нрзб:] на Блока нельзя? на Есенина нельзя? На каждого из нас – не поэтов – нельзя? Осторожнее на поворотах.

Н.М.

И блестящей полемистке Н.Мандельштам очевидно все-таки удалось переубедить Gladkova, поскольку уже после личной встречи с Бродским, которая произошла в Комарове осенью 1965, «отчитываясь» перед своим адресатом, АКГ так напишет о своем впечатлении:

Бродский мне скорее понравился. Он с нами обедал. Выяснилось, что мы были в одних и тех же местах – земляки. Он не очень похож на то, что о нем рассказывали, а может, обкатала жизнь. Говорили с ним о Мандельштаме и Цветаевой и о Вас. Если прибегнуть к Вашей классификации (из замечательного письма Вашего Харджиёву), то он по израильским генам своим не из породы Ильи Гр. [Эренбурга], а из породы О.Э. [Мандельштама] Но есть в нем и шагаловская наивность. Или – я ошибаюсь?» (А.К.Гладков – Н.Я.Мандельштам, п. 7, 30 сен. 1965, из Комарова).

¹⁰ [Очевидно, что и здесь речь идет о Бродском, хотя его имя не называется: но в следующем письме, от 20 марта, он снова будет обозначен буквой «Б»:]

¹¹ [Тут определенно имеется в виду Бродский.]

Впрочем, Н.Я. довольно активно эту последнюю его вольную аналогию отмечает:

Я спешу вам ответить на главный пункт, который меня просто испугал: Между Бродским и О.М. нет ни капли сходства, это не противоположности, а просто люди, у которых нет общей единицы для измерения. Все в других плоскостях и измерениях. # »
(Н.Я.Мандельштам – А.К.Гладкову).]

Можно также сопоставить приведенные ранее Гладковские впечатления – с первым (тоже, кажется, единственным) впечатлением от чтения Бродским своих стихов – поэта Дмитрия Голубкова, ставшего свидетелем такого чтения уже позднее, в январе 1966, и описавшего Бродского так:

Небольшой, плотный, белокурый. Лицо белое, гладкое – как после долгой (не опасной, но изнурительной) болезни. Часто улыбается – насмешливо, высокомерно. Картавит (в меру). Читал, помахивая и постукивая по столу бутылкой из-под лимонада, обеими руками потирая уголки глаз и нос – страстно, напевно, как-то враскачку. Некоторые строки и строфы почти пел – громко, быстро, напористо... Трудное чтение – мешает слушать мысль. Только – ощущение, настроение... плох триптих памяти Элиота – наивно, рифмически, длинно. Хорошо – о дожде (длиннющая баллада). Так себе – «Мне скушно, бес» - о Мефистофеле [Голубков 2013: 348].

Тексты

Гладков А.К. Дневник. 1963-1965 гг. // РГАЛИ ф.2590 оп.1, е.х. 103-105.

Гладков А.К. – Мандельштам Н.Я. // РГАЛИ ф.1893. оп, 3 (опись Фрейдина) № 185.
Письма А.К.Гладкова – Н.Я.Мандельштам.

Голубков Д.Н. *Это было совсем не в Италии...* Изборник. М.: Маска, 2013.

Мандельштам Н.Я. – Гладкову А.К. // РГАЛИ ф.2590 оп.1, е.х.298. Письма Н.Я.Мандельштам – А.К.Гладкову.